

HANS JOAS AND WOLFGANG KNOBL. SOCIAL THEORY: TWENTY INTRODUCTORY LECTURES, TRANSL. ALEX SKINNER. CAMBRIDGE: CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2009.

Курс лекций "Социальная теория. Двадцать вводных лекций", написанный профессором социологии Хансом Йоасом в соавторстве с его бывшим учеником, доктором Вольфгангом Кнеблем, изданный в Германии¹ (2004) и Великобритании (2009), уже получил много отзывов в международных социологических изданиях. Х. Йоас - один из самых популярных немецких социологов, работает в университете Фрайбурга и является членом междисциплинарного комитета по социальным наукам Чикагского университета (США). Российскому читателю Йоас известен по переводу его монографии "Креативность действия"² (2005) и ряду статей³.

Что привлекает в данном учебнике? Прежде всего, систематическое, всестороннее и хорошо продуманное изложение современного периода развития западной социологии (после Второй мировой войны). Авторы представляют свое видение панорамного развития социологии, концентрируя внимание на так называемой "большой четверке" стран - США, Германии, Великобритании и Франции. Их доминирование в развитии современной социологии не оспаривается, но с другой стороны, его можно назвать ограниченным, ибо он оставляет "за бортом" многих теоретиков. В последнее время многие (включая нового президента МСА М. Буравого) предлагают изменить такую ситуацию доминирования, и включить в мировую социологию другие страны и регионы, ранее недостаточно представленные, прежде всего - Азии и Африки. Поэтому отсутствие в рецензируемом учебнике даже российско-американского социолога П. Сорокина - неприятный, но объяснимый факт.

Можно понять, почему в странах Западной Европы данный курс лекций был воспринят как "всеохватывающий" (М. Бауэр). Действительно, он не ограничивается социологией США (её доминирование было характерно для Дж. Александра "Двадцать лекций: социологическая теория после Второй мировой войны"⁴), западноевропейской, или даже национальной социологией (например, как книга У. Герхардт⁵). В изложении Йоаса и Кнебля четыре национальные социологии представлены как равноценные; показано, как идеи одной влияют на другие. В учебнике хорошо раскрыты и личные коммуникации социальных теоретиков, их взаимовлияние и ориентации на работы друг друга.

---

¹ Joas H., Knobl, W. Sozialtheorie. Zwanzig einfuhrende Vorlesungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004.

² Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005.

³ Например см.: Горностаева М. В. Креативность социального действия по Х. Йоасу - постулаты и пределы // Социол. исслед. 2010. N 6.; Интервью с Х. Йоасом. Действие - это состояние, в котором существуют люди в мире // Социол. исслед. 2010. N 8.

⁴ Alexander J. Twenty Lectures: Social Theory Since World War II. New York: Columbia University Press, 1987.

⁵ Gerhardt Uta. Soziologie im 20. Jahrhundert: Studien zu Ihrer Geschichte in Deutschland. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009.

Курс лекций отличается от других подобных изданий внутренней целостностью. Он построен вокруг трех основных исследовательских вопросов: Что есть действие? Что такое социальный порядок? Что детерминирует социальное изменение? (с. 18).

Как считают авторы учебника, все социальные теоретики - классического периода и современности - несмотря на различные акценты рассматривали эти проблемы в неразрывном единстве: из социальных действий складывается социальный порядок, который, в свою очередь, изменяется. Более того, по мнению авторов, все развитие социальной теории после Парсонса есть серия ответов на "вызовы" времени.

В российской социологии также были попытки излагать современные социальные теории проблемно (например, С. Кравченко⁶), которые, однако, отличаются от рецензируемого труда тем, что последний совмещает биографический метод с проблемным, т.е. делает возможным изложение материала внутри той или иной теории, а не выделяет общесоциологические парадигмы как самостоятельные единицы изучения в курсе истории социологии. Какой подход лучше: от индивидов или от агрегированных идей, - решать каждому исследователю. Практика показывает, что библиографический метод позволяет более доходчиво излагать взгляды отдельных авторов, рассматривать их в конкретном национальном, историческом, интеллектуальном контексте, зачастую выпадающем из рассмотрения в случае выбора "парадигмального" подхода.

Представление основных социальных теорий современности начинается с фигуры Парсонса, как автора теории социального действия, как теоретика структурного функционализма и как инициатора теории модернизации. Период (конец 1940 - 1950-е гг.), характеризующийся доминированием его теорий, классифицируется Йоасом и Кнеблем как первый в развитии социальной теории после Второй мировой войны.

Вслед за наследием Парсонса излагаются четыре основные критические по отношению к нему теории (развивавшиеся в 1950 - 1960-е гг., главным образом, на американской почве): неоутилитаризм, символический интеракционизм, этнометодология и теория конфликта. Именно эти теории, противостоявшие структурному функционализму, составляют основное содержание второго, выделенного в курсе лекций, периода - 1960-х - начала 1970-х гг.

Третий период, начавшийся в 1970-е гг. и продолжающийся, по мнению авторов, до настоящего времени, связан с "новым теоретическим движением", а именно - попытками синтеза различных теорий и направлений (с. 8 - 9). Им посвящены главы - о Хабермесе, Лумане и Гидденсе, П. Бурдьё, еще одна - обновлению парсонизма (Э. Шилз, Дж. Александер), а также таким направлениям, как структурализм (Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс) и постструктурализм (Ж. Деррида, Ж-Ф. Лиотар), антиструктурализм (А. Турен), неопрагматизм (Р. Рорти, Х. Патнэм), феминизм (К. Гиллиган, Дж. Батлер), а также дебатам по поводу современности (У. Бек, З. Бауман).

Книга репрезентирует не только развитие социологической теории, но, как подчеркивают сами авторы, мысль о единстве, неразрывной связанности социальных наук. Такой подход позволил ввести имена, которые часто остаются за границами интересов социологов: экономистов (М. Олсон), социальных философов (Р. Рорти), политологов (М. Уолцер), и др. При этом авторы не навязывают какого-либо "единственно правильного" определения социальной теории; напротив, они не скрывают многообразия подходов, противоречий между разными теориями, считая, что этот факт отнюдь не означает кризиса или распада социального знания. Читателю предлагают самому сделать выбор между излагаемыми теориями, постоянно подчеркивая, что в любом случае эмпирические исследования нуждаются в той или иной теоретической рамке.

При изложении материала Йоас и Кнебль следуют принципам полноты, пропорциональности и справедливости изложения материала (с. 9), показав плюсы и ми-

⁶ Кравченко С. А. Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. М.: Экзамен, 2002.

нуса каждого подхода. Однако по разным причинам, очень небольшое внимание в учебнике уделено Р. Мертону. Он фигурирует как один из многих социологов, развивавших определенные идеи Парсонса, автор теорий "среднего уровня", но не значительная фигура в социологии. Еще больше не повезло М. Кастельсу: его имя даже не упоминается, хотя он является одним из наиболее известных учеников А. Турена. Лишь один раз упомянута теория постиндустриального общества Д. Белла. Авторы отказались от систематического изложения теорий Франкфуртской школы, неофрейдистских, технократических и информационных концепций, довольно популярных в современных социальных дисциплинах. Зато в текст введено много имен, практически не попадающих в наши учебники и учебные пособия: К. Касториадиса, Й. Арнасона, Ш. Айзенштадта и других теоретиков⁷. В современной социологии уже давно устоялись определенные взгляды на то, какие теории и авторы должны изучаться как наиболее влиятельные, и отход от этих "неписаных канонов" бросается в глаза и свидетельствует об авторском подходе.

Само развитие социальной теории представлено в неразрывной связи с интеллектуальной историей своего времени: теории как бы "выкристаллизовываются" из интеллектуальных дискурсов, причем не абстрактных, а относящихся к определенной стране. Авторы не оставляют ни одну теорию абстрактной: каждая связана с конкретными персоналиями, их работами, обстоятельствами жизни и творчества.

Поскольку Йоас и Кнебель полагают, что центр теоретической социальной мысли после Второй мировой войны переместился из США главным образом в Германию, немецкая социология проанализирована в учебнике более тщательно, чем английская или французская. Впервые в систематическом виде изложены теоретические взгляды одного из авторов учебника, Йоаса - ведущего представителя неопрагматизма (и, как полагают некоторые критики, единственного социолога в Европе, активно использующего наследие американских прагматистов).

Авторы не скрывают оценочной позиции и самостоятельных, не бесспорных оценок. Представляется, что по этой причине курс лекций больше подойдет не начинающим социологам, а студентам старших курсов, аспирантам и преподавателям, которые имеют достаточно знаний, чтобы самим разобраться во множестве имен, теорий, направлений.

Л. Г. ТИТАРЕНКО, доктор **социологических** наук

ПОСТСОВЕТСКИЕ СТОЛИЦЫ: МИНСК. ВИЛЬНЮС. БАКУ / Под общ. ред. Й. Терборна; науч. ред. Л. Г. Титаренко, Ж. М. Грищенко. Минск: Изд. центр БГУ, 2009. 270 с.

Сложные социально-экономические и политические изменения последних десятилетий определяют новый образ организации городского пространства: меняется роль, функции, содержание городской среды в целом, городских районов, а также пригородов. Серьезные трансформации претерпели столичные города постсоветского пространства в связи с изменением их статуса, а также противоречивыми процессами глобализации и локализации. Эти явления сопровождаются появлением новых

---

⁷ Тексты некоторых см.: Современная западная социология. Хрестоматия / Соколова Г. Н., Титаренко Л. Г. (сост.). Минск: Тесей, 2008.

форм самоорганизации, самопрезентации городских сообществ и взаимоотношениями с другими территориальными общностями.

Столичный город - символ страны. Часто мы принимаем это априорно и не осознаем масштаба этого смысла. Лишь вдумчивый взгляд способен репрезентировать его символическое содержание во всей множественности оттенков. Здесь и драматизм истории народа, и парадоксы глобально-локальных преобразований, культура поколений и стереотипы сознания гражданского общества, его экономическое состояние и уровень социального оптимизма, эффективность деятельности управленческой элиты, и содержание политического курса страны.

В этом контексте примечательным является издание в Беларуси работы, подготовленной учеными Беларуси, Литвы, Азербайджана под общим руководством шведского социолога Йорана Терборна в рамках международного исследовательского проекта "Интас".

Монография представляет собой уникальное издание. Во-первых, она написана на новую для социальной науки тему, которую можно обозначить и как социологию города, и как компаративистский урбанизм, и как визуальную политическую социологию. Авторы использовали не только традиционные для социологии методы опроса, изучения документов, но и новые способы, которые начали применять (П. Штомпка, Н. Е. Покровский и др.). Исследовательская работа осуществлялась в междисциплинарном режиме на стыке социологии, политологии, урбанистики, культурологии, частично архитектуры и психологии.

Во-вторых, все участники проекта изучали политическую и символическую репрезентацию своих столичных городов на национальной и международной арене. Сравнительный анализ позволяет читателю уловить специфику наблюдаемых изменений в столицах, а также их общие черты. Представленный эмпирический материал дает возможность утверждать, что каждая из столиц внедряет собственную социокультурную инварианту развития, чем и стимулирует к себе, в том числе и исследовательский, интерес.

В-третьих, часть глав написана по-русски, другая - по-английски, что объясняется не только международным авторским составом, но и желанием познакомить с книгой иностранного читателя. Не секрет, что научно-практическое значение и авторитет любого исследования зависят от оперативности включения его эмпирической и аналитической базы в международный научный контекст.

Главная цель книги, как ее видят сами авторы, - дать общее представление об изменениях в столицах новых постсоветских государств, описать различные пути преобразования советского политического пространства, которые удивительным образом отражаются в архитектуре, культуре, жителях столичных городов.

Работа разделена на четыре тематических раздела. В первом шведский академик Й. Терборн задал теоретико-методологические рамки анализа постсоветского городского пространства, представил общие тенденции развития исследований современных городов, поместив его в более широкий пространственный контекст. Показаны как общие направления городского развития (глобальные тренды), так и региональные (общеевропейские) и те, которые относятся к постсоветскому урбанистическому пространству (Л. Титаренко). Следующие три раздела посвящены каждой из столиц, представлены портреты-образы с точки зрения визуальных изменений, которые произошли в постсоветское время и предопределили направления развития. В каждом случае ученые писали о своем родном городе, опирались на теоретические и эмпирические данные.

В рецензируемой работе прослеживается различие избранного пути постсоветского развития изучаемых городов. Для одних (как для Вильнюса) этот процесс определялся, прежде всего, как "возвращение" в Европу (понимаемую в данном контексте как Запад), для других (как Баку) - выход на глобальную арену, позиционирование себя как столицы страны "черного золота". Наконец, для Минска превращение в столицу независимой Республики Беларусь означало одновременно и сохранение истории-

ко-культурных связей с прошлым, и принятие новых ролей - политических, символических, географических. Каждый из этих городов репрезентирует один из возможных путей развития и политического позиционирования национальной истории.

Авторы книги ищут ответ на вопрос, какие новые функции выполняет столичный город в политическом поле страны? Выбранные для исследования постсоветские республики демонстрируют разные способы решения проблемы репрезентации новых независимых государств внутри страны и на международной арене. Как показала А. Восилюте, для Вильнюса, с его хорошо известной и сохраненной до настоящего времени историей (запечатленной в таких материальных памятниках, как религиозные здания, монументы, старые районы города, документальные источники и др.), этот путь политической репрезентации нации прошел через вступление Литвы в Европейский Союз и НАТО. Данный шаг сопровождался усилением европейского интереса к Вильнюсу, городской реконструкцией, а также "чисткой" в отношении "пережитков советского прошлого", инициированной новой властью. Как подчеркивает В. Жилинскийте, с начала 1990-х в Литве советская иконография не только была уничтожена, но и официально запрещена. Новая литовская иконография - преимущественно католическая или средневековая. В статье В. Каспаравичене показано, что население очень требовательно к новой власти в отношении строительства, озеленения города, сохранения его культурного лица.

Минск, напротив, хранит свое советское наследие. В главе по истории Минска (Л. Титаренко) показано, что город представляет особый феномен истории, чье культурное пространство рассматривается, сквозь призму исторического наследия и перспектив на будущее. Автор подчеркивает, что без сопоставления прошлого и настоящего невозможна и подлинная любовь к городу, как и осознанное желание сделать его лучше и сохранить его культурную самобытность.

Заметим, что традиционная территориальная организация городов меняется практически во всех столицах, что часто происходит на фоне обновления населения за счет мигрантов и изменения социальной структуры. Все это актуализирует для органов государственной власти задачу формирования единого культурного пространства столиц, поэтому нуждается в определенном эмпирическом обосновании, что и предлагает рецензируемая работа.

В главе Ж. Грищенко, представлен материал, выстроенный на основе интервью с гостями белорусской столицы, преимущественно иностранцами. Их взгляд на жизнь в большом городе позволяет размышлять о стереотипизации сознания жителей города в контексте глобальных перемен. Одновременно приведенные в главе высказывания показывают, что многие минчане искренне гордятся своей историей (от Великого княжества Литовского до Великой Отечественной войны, вплоть до дня сегодняшнего, сумевшего сохранить героическое прошлое в памяти народа). Минск вызывает у его жителей горячую любовь, во многом непонятную для иностранцев, но объяснимую с точки зрения отечественной истории, национального менталитета, патриотизма белорусских граждан.

Политическая репрезентация Минска включает описание его памятников, анализ топонимики, представление публичных зданий - символов власти, а также религиозных зданий и других символов (А. Широканова). Посредством методов социологии, автор попытался проанализировать, насколько современный городской ландшафт Минска участвует в формировании имиджа новой политической власти, как формируется у населения отношение к новой власти, складывающееся с помощью современного городского пространства. Советское прошлое, по-прежнему широко представленное в Минске, не мешает минчанам в полной мере ощущать себя гражданами независимого белорусского государства. Авторы нашли в Минске не только наследие прошлого, но и много нового, что свидетельствует о современных тенденциях в его развитии. Материалы, посвященные молодым минчанам (О. Кобяк, В. Рубанов), их потребительскому поведению (Е. Лебедева), а также стратегиям развития Минска (А. Рубанов), подтверждают постепенное движение города в новом направлении.

Быстрая постсоветская трансформация культурного пространства характерна и для Баку, что ставит его, по мнению А. Абдуллаева, на особую позицию между Вильнюсом и Минском. Как и сердце Литвы, Баку уже давно был столичным городом и имел свою субкультуру. В отличие от Минска, в 1990-е гг. в Баку исчезли памятники советской эпохи, кроме тех, что имели национальную привязку к Азербайджану. В нем реже услышишь русскую речь, чаще английскую, турецкую, арабскую. Как подчеркивают Т. Фарадов и И. Парфенова, нынешние власти стремятся сделать Баку экзотическим притягательным местом для иностранных туристов, которое должно репрезентировать процветающую страну. Однако, как утверждает Л. Сайфутдинова, бакинцы свято чтят память недавних жертв борьбы за независимость, которая запечатлена в городе в специальных мемориалах.

В короткой рецензии трудно охватить все содержание многоплановой научной работы. До сих пор можно найти не так много отечественных исследований, которые являлись бы частью международных проектов и имели сравнительный характер. А ведь без него нельзя понять и объяснить ни общие, ни особенные аспекты в развитии страны, города. Это научное положение особенно ярко проявляется в исследовании постсоветского пространства - единого, но ставшего за прошедшие годы таким непохожим и разнообразным.

Данный опыт исследовательской корпоративности в реализации научного проекта имеет, как свои достоинства, так и проблемные зоны, критическое переосмысление которых - конкретный вклад в социологию города.

Н. М. ВЕЛИКАЯ, доктор политологических наук